

КЛИТОФОНТ

Перевод А. И. Болтуновой

ВВЕДЕНИЕ

Диалог „Клитофонт“ древние считали принадлежащим Платону¹, и только в XIX в. в подлинности его было высказано сомнение. В настоящее время мнения исследователей в этом вопросе разделились. Подлинность защищают, между прочим, Дж. Грот², Т. Гомперц³ и К. Иоель⁴.

По мнению Грота, „Клитофонт“ находится в полной гармонии с остальными сочинениями Платона. Однако, диалог представляет собой лишь эскиз, подготовляющий разрешение той сложной проблемы о справедливости, которой посвящено „Государство“. Клитофонт, разочаровавшись в Сократе, хочет идти к Фрасимаху. В I книге „Государства“ мы его действительно встречаем, как ученика Фрасимаха и горячего защитника его мнений. Обвинение, выставленное Сократу в „Клитофонте“, что он лишь побуждает своих слушателей быть справедливыми и не указывает, как должен поступать справедливый человек, не стоит в противоречии со взглядом Платона на Сократа, так как в „Апологии Сократа“ (29 D) он сам себя называет лишь „бичом для дремлющей лошади“. Та же черта деятельности Сократа подчеркивается и в других произведениях Платона, равно как и в „Меморалиях“ Ксенофонта. К мнению Грота всецело присоединился Гомперц. Иоель усматривает в том образе Сократа, который выведен в „Клитофонте“, киника Антисфена, который, после смерти Сократа и эмиграции его учеников в Мегары, остался в Афинах и развернул там широкую деятельность публициста и философа. В „Клитофонте“ и выведен не исторический Сократ, а типичный киник Антисфен. Иоель, не приводя доводов в защиту подлинности „Клитофонта“, задается вопросом, какая могла бы быть цель у автора „Клитофонта“, если бы он не был Платоном, подделываться под стиль Платона. А затем ставит вопрос, что побудило Платона написать свой памфлет. На это Иоель отвечает так. Платон отзывался критически о преподавательской деятельности Антисфена в разговоре с другом Антисфена, Лисием. Для Антисфена этот отзыв — в высшей степени недоброжелательная критика. Платон чувствуя себя неловко, хочет выйти из создавшегося положения и ведет с Антисфеном изложенный в „Клитофонте“ разговор, где под Клитофонтом надо понимать самого Платона, а под Сократом Антисфена.

¹ Диоген Лаэртский, III, 50, 51.

² Plato, III, 13 сл.

³ Platonische Aufsätze, 763. Sitzungsber. d. philol. - hist. Cl. d. Wiener Akademie, CXIV (1887).

⁴ Der echte und der Xenophontische Sokrates, I, 481 сл.

Таковы соображения защитников подлинности „Клитофонта“. Сомнения в его подлинности первый высказал Шлейермахер¹. Он рассматривает „Клитофонта“ с двух точек зрения: это или отрывок, или законченное произведение. Если предположить, что это отрывок, принадлежащий Платону, то остается непонятным, зачем Платон меняет усвоенный им образ Сократа. Если рассматривать „Клитофонта“, как целое произведение, то оно тем более не может принадлежать Платону. Введение, где Сократ обращается к Клитофонту и называет его в третьем лице, совершенно не соответствует стилю Платона. Непонятны также необычное самоуничижение и обидчивость Сократа. Шлейермахер, подобно Иоелю, видит в „Клитофонте“ нападки не на исторического Сократа, а на Сократовскую школу в ее целом, главным образом, на учение мелких сократовцев, выводивших мудрость Сократа в отрицательном виде. Если понимать „Клитофонта“ так, то он — законченное произведение. Диалог представляет собою как бы ответ на упрек, который делали Платону со всех сторон, что он далеко выходит за пределы учения Сократа. Поэтому „Клитофонт“ и был помещен перед „Государством“: древним, может быть, казалось, что в этом произведении Платон особенно далеко вышел из рамок бесед Сократа. Однако, должно было бы все-таки указать, что причины недостатков лежат в самом учении и в способе познания, а не в увещании и побуждении. Но и тогда остается непонятным, почему недовольный Клитофонт обращается к Фрасимаху. Конечный вывод Шлейермахера тот, что „Клитофонт“ написан в одной из лучших афинских школ риторического искусства и направлен против Сократа и Сократовцев, не исключая и самого Платона.

Еще более решительно и определенно отрицает подлинность „Клитофонта“ Р. Кунерт². По его мнению, в „Клитофонте“ дается схематический образ Сократа, созданный в представлении враждебно настроенного к Платону и Сократу человека, по прочтении Сократических диалогов Платона. Полемика Клитофонта обращена не на Сократа, которого не было тогда уже в живых, а на Сократовцев. Против подлинности говорит и то, что в „Клитофонте“ выведены те же лица, что и в других произведениях Платона: Сократ, Лисий, Клитофонт, Фрасимах, но в совершенно ином освещении. Кунерт относит составление „Клитофонта“ к 390 г. и считает, что он был написан, как ответ на сочинение Платона „О справедливости“, которое составило впоследствии 1-ю книгу „Государства“. Сократовцы, против которых ведется полемика и которые определены в „Клитофонте“ очень неясно, как „присутствующие“, это — Платон, против сочинений которого и направлен главный натиск, Антисфен, которого надо понимать под *κοιμρότατος*, преподававший в то время риторику в Афинах, и Исократ, издавший в 390 г. речь против софистов. В то время вопрос о защите Сократа был злободневным, и апологии и обвинения его были в большом ходу в Афинах. Упражнения на эту тему писались обычно в школах риторики. Одним

¹ Platon's Werke, II 3, 452 (Берлин 1862).

² Quae inter Clitophontem dialogum et Platonis Rem publicam intercedat necessitudo, diss. Gryphiswaldiae 1881.

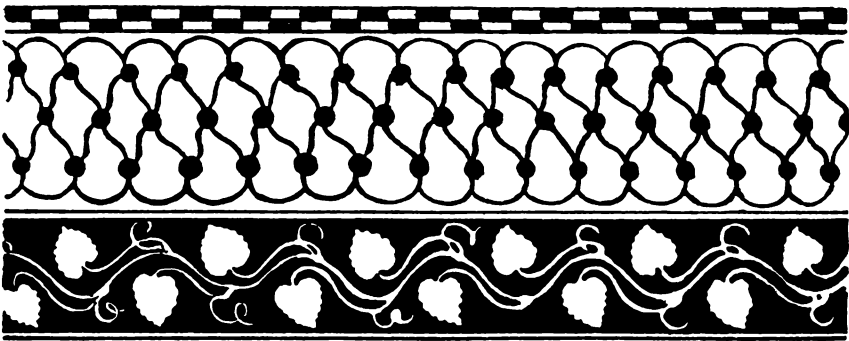
из таких упражнений и является „Клитофонт“. Диалогическая форма придана наброску искусственно.

Нельзя не согласиться, что в „Клитофонте“, действительно, выведен не исторический Сократ, известный из других произведений Платона и из Ксенофонта, и что автор „Клитофонта“ воспользовался образом Сократа, как ширмой, за которой скрываются позднейшие проповедники его учения. Нужно, однако, иметь в виду, что Платон обычно излагал устами Сократа только то учение, которое сам разделял: если он и пользовался его фигурой, как ширмой, то за этой последней мог скрываться только сам автор, симпатии которого неизменно оставались на стороне Сократа. В „Клитофонте“ же ясно чувствуется, что автор говорит устами Клитофонта, ученика противника Сократа, Фрасимаха. Характер деятельности Сократа, действительно, выведен более похожим на деятельность самого мудреца. Сильно отличает „Клитофонта“ от подлинных платоновских диалогов то, что в нем совершенно не дается картины той обстановки, среди которой ведется беседа; приставленное искусственно вступление очень неуклюже и придает ту же неуклюжесть всему произведению, делая его непохожим ни на диалог, ни на монолог, что также совершенно несвойственно стилю Платона. Кроме того, в „Клитофонте“ отсутствует обычная Сократовская ирония. Наконец, совершенно неясно, какие еще действующие лица, кроме Сократа и Клитофонта, выводятся в диалоге, не дается живых, яркими красками набросанных портретов, что составляет опять-таки отличительную черту Платона, как художника слова.

Если мы обратим внимание на стиль и употребление слов, то в „Клитофонте“, вместо изящества и легкости Платоновской речи, мы встречаем риторическую напыщенность и искусственность. Кроме того, большая часть слов, если не совсем чужды языку Платона, то встречаются в его сочинениях единицами; есть даже такие слова, которые Платон не употреблял совершенно.

Все изложенные соображения заставляют отрицать принадлежность „Клитофонта“ Платону.

А. Болтунова.

Сократ. О Клитонте, сыне Аристони́ма, кто-то нам 406
недавно рассказывал, что он в разговоре с Лисием¹ беседы
с Сократом порицает, а общение с Фрасимахом расхваливает.

Клитонт. Кто бы это ни был, Сократ, он тебе передал
неверно о происходивших у меня с Лисием разговорах о тебе,
потому что ведь я-то, отчасти, правда, тебя не хвалил, но от-
части и хвалил. Ясно, что ты мною недоволен, хотя и делаешь
вид, будто относишься к моему мнению равнодушно. Поэтому
мне приятнее всего было бы самому изложить тебе все это, раз
мы уже встретились наедине; тогда ты перестанешь думать,
будто я к тебе отношусь худо. А теперь до тебя, может быть,
дошли неверные слухи, так что, повидимому, ты и относишься
ко мне суровее, чем следует. Если ты позволишь мне говорить
откровенно, я с большим удовольствием воспользовался бы
твоим разрешением, так как мне хочется выяснить все дело.

Сократ. А мне было бы неловко противодействовать твоему 407
желанию принести мне пользу. Ведь ясно, что, узнав, в чем мои
недостатки и в чем достоинства, последние я буду в себе раз-
вивать и стремиться к ним, а первых, по мере сил, — избегать.

Клитонт. Дозволь же сказать тебе следующее. Я, Со-
крат, при встречах с тобою, часто приходил в изумление, когда
слушал тебя. Мне казалось, что, по сравнению со всеми про-

чими людьми, ты говоришь прекрасно, когда ты, порицая людей, вещаешь, точно бог с трагической машины ². Куда стремитесь вы, люди?! Разве вы не понимаете, что делаете совсем не то, что нужно, направляя все свое старание на приобретение денег, а о сыновьях, которым вы их передадите, вы не заботитесь, чтобы они умели ими пользоваться справедливо; не ищите им учителей справедливости, если только ей можно научиться: а если ее можно развить заботой и упражнением, не ищите тех, которые приложат к ней достаточно усердия и заботливости. Да еще и самих себя вы не очень-то воспитывали прежде в этом отношении, а думаете, что вы сами и дети ваши достаточно знаете, научившись грамоте, пению и гимнастике,—а ведь это вы считаете верхом воспитания в духе добродетели. Затем и впоследствии, сделавшись враждебными к деньгам, почему вы, тем не менее, не относитесь с пренебрежением к теперешнему воспитанию и не ищите людей, которые избавили бы вас от такого невежества? Между тем от этой-то небрежности и легкомыслия, а вовсе не потому что нога не попадает в ритм с лирою, брат к брату и государство к государству относятся так нелюбовно и несогласно, заводят смуты и в своей вражде сами терпят и друг другу причиняют самые крайние бедствия. Вы говорите, что несправедливые бывают несправедливы не из-за отсутствия воспитания и не по неведению, а по доброй воле. И вы еще осмеливаетесь утверждать, что несправедливость есть нечто постыдное и богоненавистное! Но каким же образом кто-нибудь избрал бы добровольно такое зло? Вы говорите, что таким был бы тот, в ком берут верх наслаждения; но разве это случается против воли, коль скоро побеждать есть дело доброй воли? Таким образом, из всего рассуждения выходит, что поступать несправедливо не зависит от доброй воли, и что на это нужно обращать больше внимания, чем это теперь делается, как в частной жизни всеми людьми, так и в общественной — всеми государствами.

3

И вот, Сократ, всякий раз, когда я слушаю, как ты все это говоришь, я восхищаюсь, прихожу в восторг, хвалю тебя.

И когда бы ты ни говорил, вывод из всего этого получается тот, что, развивая тело и пренебрегая душой, люди делают не что иное, как оставляют в пренебрежении то, что должно властвовать, и ревностно заботятся о том, что должно быть подвластным. То же самое бывает со мною и тогда, когда ты говоришь, что если кто не умеет чем-нибудь пользоваться, то лучше ему перестать этим пользоваться; если кто не умеет пользоваться ни глазами, ни ушами, ни всем телом, тому лучше не слышать, не видеть, другим каким либо способом не пользоваться своим телом, чем пользоваться им как-нибудь. То же самое и относительно искусства: кто не умеет пользоваться своей лирой, тот, понятно, не умеет пользоваться и лирой своего соседа; кто не сумеет пользоваться чужой лирой, тот не сумеет пользоваться и своей собственной, не сумеет и пользоваться никакими своими орудиями, ничем из своего имущества. И заканчивается у тебя речь прекрасно: кто не умеет пользоваться своей душой, тому лучше оставить свою душу пребывать в покое, лучше не жить, чем жить, поступая по собственному произволу. Если же кого необходимость заставляет жить, тому лучше проводить жизнь рабом, чем свободным человеком; пусть он, подобно человеку, передающему кормило корабля, передаст кормило своего разума другому, изучившему науку править людьми, которую ты, Сократ, часто называешь политикой, говоря, что политика есть то же самое, что справедливость на суде.

4

Вот на эти твои речи и на подобные же многочисленные и прекрасные, — что добродетели можно научиться и что всего более нужно заботиться о себе самом, — я почти никогда не возражал; думаю, что и впоследствии никогда не буду возражать, потому что считаю их убедительнейшими и полезнейшими, все равно как если бы они пробуждали нас от сна. Я имел в виду выслушать и дальнейшее, задавая вопросы сначала не тебе, Сократ, а своим сверстникам, разделяющим мои интересы, твоим приятелям — как по отношению их к тебе их можно было бы назвать. Из числа их я особенно спрашивал тех, которых ты считаешь первыми, стараясь узнать, какое рас-

D суждение последует за предыдущим, и подобно, тебе, обращался к ним с такими словами: Друзья мои, как нам нужно понимать Сократовы увещания к добродетели? Что только одно это и необходимо; что нет пределов, если хочешь охватить все вполне; что наше дело, в продолжение всей жизни, будет убеждать еще не убежденных, а те пусть снова убеждают других? Согласившись, что человеку нужно поступать именно так, нам надо
E спросить Сократа и друг друга, какой же отсюда получается вывод. С чего надо начать нам изучение добродетели? Например, если бы кто, видя, что мы, словно дети, совершенно и не подозреваем, что существует какое-то гимнастическое искусство и искусство врачевания, начал увещевать нас заботливо относиться к своему телу, а затем стал бы бранить нас, указывая, что постыдно всю свою заботу отдавать пшенице, ячменю, виноградной лозе и всему тому, над чем мы трудимся и что мы приобретаем ради тела, а для того, чтобы тело наше было как можно лучше, мы не ищем никаких средств, никакого искусства, хотя оно и существует. Если бы мы спросили человека, увещающего нас к этому: о каких искусствах ты говоришь, он ска-
409 зал бы, может быть, что—о гимнастическом и врачебном. Какие же искусства, по нашему мнению, существуют для добродетели души? Пусть мне это скажут.

5

Казавшийся мне самым способным собеседником, ответил, что это и есть то искусство, о котором ты слышишь из уст Сократа, что это искусство—справедливость. А я сказал: не говори мне одно только название, а скажи так: врачевание ведь
B слывет некоторым искусством, а у него двойная цель: первая—постоянно готовить новых врачей, кроме уже существующих, вторая—попечение о здоровье. Но из этих двух целей та, которую мы называем попечением о здоровье, еще не есть искусство, а результат искусства, научающего и изучаемого. Точно так же и в плотничьем искусстве—одно есть дом, другое плотничье искусство; одно—работа, другое—ученье. То же и относительно справедливости; одно делать людей справедливыми, как в плотничьем искусстве делать их мастерами; другое—

то дело, которое для нас может совершить справедливый человек; а, впрочем, скажи какое это дело? Один собеседник, помнится, отвечал, что это польза, другой — долг, третий — прибыль, четвертый — выгода. Я снова сказал: но ведь и там по отношению к каждому из искусств те же самые названия; все это клонится к тому, в чем каждое из искусств проявит свое свойство: например, плотничье искусство скажет, что ему свойственно, чтобы дерево стало утварью, хорошей, красивой и надлежащим образом изготовленной, которая сама по себе еще не является искусством. Так же нужно говорить и о справедливости.

6

В заключение, Сократ, один из твоих приятелей, который, казалось, говорил наиболее красиво, отвечал мне, что делом, свойственным исключительно одной только справедливости, является установление любви в государствах. Когда мы его опять спросили, что такое любовь, он ответил, что любовь всегда есть благо и никогда не есть зло. Когда же ему задали вопрос о любви к отрокам и любви к животным — и то и другое мы одинаково называем любовью, — то он отказывался принять это за любовь, потому что ему приходилось признать, что подобный вид отношений чаще приносит вред, чем пользу. Избегая этого вопроса, он сказал, что это не есть любовь, и что те, которые называют это любовью, ложно называют ее так; совершенно ясно, что настоящая, истинная любовь есть единодушие. А когда его спросили, называет ли он единодушием сходство во мнениях, или знание, он с презрением отозвался о сходстве во мнениях, потому что много вредных сходных человеческих мнений вызывается необходимостью. Любовь же он признал, во всяком случае, благом и делом справедливости, так что, сказал он, единодушие есть то же, что действительное знание, а не мнение. Когда мы дошли до этого положения в рассуждении и оказались в затруднении, присутствующие были готовы напасть на него и говорили, что он, совершив круг, пришел к мысли, тождественной первой; при этом доказывали, что и врачебное искусство и все искусства являются известным единодушием в том, что

входит в круг их ведения; от нас ускользает, говорили они, куда клонится то, что ты называешь справедливостью, и не ясно, что является ее результатом.

7

В заключение, Сократ, я и тебя самого спрашивал об этом. Ты сказал, что дело справедливости — врагам вредить, а друзьям в делать добро³. Но потом оказалось, что справедливый никогда никому не вредит, потому что он делает все на пользу всем. С этим я тебе надоедал не раз и не два, а в течение долгого времени, решив, что ты всех лучше убеждаешь людей заботиться о добродетели. Остается одно из двух: только и быть в состоянии это делать, и ничего большего, что возможно было бы в применении к любому искусству: например, не будучи кормчим, не с устанно хвалить это искусство, как очень важное для людей; точно так же и относительно других искусств. То же самое легко можно было бы сказать и о справедливости: что ты не в большей мере являешься знатоком справедливости только от того, что лучше всего ее восхваляешь. Но мое мнение не таково. Одно из двух: или ты ее не знаешь, или не хочешь сообщить мне о ней. Поэтому я думаю, что в своем затруднении я обращаюсь и к Фрасимаху и к другим, к кому только могу. Потому что, если ты хочешь прекратить убеждать меня, — то делай это д таким образом, как относительно гимнастики ты увещевал бы меня не пренебрегать заботами о теле, а вслед за увещеванием, ты сказал бы мне, в каком уходе мое тело, по своей природе, нуждается. Пусть то же самое будет и теперь. Предположим: Клитофонт согласился, что смешно заботиться обо всем другом, а душой, ради которой мы так трудимся, пренебрегать; и обо е всем остальном, что за этим следует, и что мы сейчас разобрали, считай, что я высказался в том же смысле, и я прошу тебя, никогда не поступать иначе, чтобы мне не пришлось, как теперь, с одной стороны, хвалить тебя перед Лисием и перед другими, а с другой — кое в чем порицать. Скажу тебе, Сократ, для человека, еще не убежденного, ты очень полезен, но человеку почти убежденному ты чуть что не являешься препятствием к тому, чтобы, достигнув совершенной добродетели, стать счастливым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (406) Лисий, сначала ритор и софист, позднее логограф, считается основателем художественного судебного красноречия; отец его, Кефал, выведен в I кн. „Государства“.

² (407 А) Имеются в виду трагедии Еврипида, в конце которых часто на сцену выкатывается на особой машине бог и дает развязку пьесе.

³ (410 В) Ср. Государство, I, 332 — 333.
